

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Олег Романько

КРЫМ **В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ** **ОККУПАЦИИ**

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ**

1941—1944

Олег Валентинович Романько
Крым в период немецкой
оккупации. Национальные
отношения, коллаборационизм
и партизанское
движение. 1941-1944
Серия «На линии
фронта. Правда о войне»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8497846

*Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения,
коллаборационизм и партизанское движение. 1941—1944.:*

Центрополиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-05388-6

Аннотация

В монографии доктора исторических наук О.В. Романько рассматривается комплекс вопросов, связанных с национальными отношениями на территории Крыма в период нацистской оккупации. На базе обширного исторического материала из архивов Крыма, Украины, России, Польши и Германии

прослеживается использование национальных противоречий как инструмента немецкой оккупационной политики. Впервые в отечественной историографии проанализирована проблема военно-политического коллаборационизма на территории Крымского полуострова – наиболее активной формы проявления национальных противоречий. Особое место в книге занимает история партизанского движения, которое рассматривается как ответ советской власти на использование немецкими оккупантами национального фактора. Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов и всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны. Серия «На линии фронта. Правда о войне» выпускается с 2006 года.

Содержание

Введение	5
Глава 1	13
Переустройство Крымского полуострова: от теории к практике	13
Военно-политический коллаборационизм советских граждан в годы Второй мировой войны	44
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Олег Романько
Крым в период
немецкой оккупации.
Национальные отношения,
коллаборационизм
и партизанское
движение. 1941—1944

Введение

Советская историческая наука освещала немецкую оккупационную политику на территории СССР крайне однобоко. Как правило, очень подробно изучались темы, связанные с преступлениями оккупантов против мирного населения, экономическим и культурным ограблением захваченных районов и т. п. Напротив, при всем многообразии литературы, посвященной проблеме оккупации, из поля зрения советских исследователей совершенно выпадали такие ее аспекты, как церковное возрождение в оккупированных обла-

стях, военный и политический коллаборационизм советских граждан, методы и средства психологической обработки нацистами населения. Даже в таких, казалось бы, разрешенных и хорошо изученных темах, как партизанское и подпольное движение, оказалось далеко не все так, как описывала официальная историография.

Национальный вопрос на оккупированных советских территориях в годы Второй мировой войны относился именно к таким, закрытым с идеологической точки зрения темам. Между тем этот вопрос был тесно связан со всеми сторонами жизни каждого оккупированного региона. Коммунистическая идеология до войны, во время нее и после утверждала, что в СССР национальный вопрос был решен полностью, а национальным противоречиям просто нет места в советском обществе. Однако события войны показали несколько иную картину. Во всех республиках и областях, которые оказались под немецкой оккупацией и где национальный состав населения был очень пестрым, эти противоречия проявились с чрезвычайным накалом страстей. Как правило, они возникали либо между русскими или нерусским населением (как, например, имело место на Кавказе), либо между всеми сразу (как, например, было в Украине, где противоречия между украинцами и поляками сопровождались ужасной резней). Естественно, иногда эти противоречия, с определенными целями, искусственно провоцировались немцами. Но и наличие исторических, религиозных, политических

и других причин этой национальной розни также нельзя отрицать.

Не оказался исключением и Крымский полуостров. Как известно, на его территории всегда проживало (и проживает) большое количество народов, каждому из которых в немецких стратегических планах отводилось определенное место. С другой стороны, между этими народами были и определенные противоречия (например, это касается славянского населения и крымских татар), которые только искусственно и на время были притушены советской властью. Это было тем общим моментом, который роднил Крым с другими многонациональными регионами. Тем не менее в период оккупации Крым одновременно и значительно отличался от других захваченных немцами территорий. Уникальность этого полуострова заключалась в том, что оккупационный режим здесь имел ряд особенностей. Во-первых, это параллельное функционирование нескольких оккупационных администраций (гражданской, военной и полицейской), каждая из которых имела свою точку зрения на решение национального вопроса. Во-вторых, наличие довольно значительного партизанского движения, которое хоть и уступало по своим масштабам украинскому или белорусскому, но, на такой важной с геополитической точки зрения территории, приобрело, в некотором смысле, стратегический характер. А его политическую роль как «длинной руки» советской власти и вовсе трудно переоценить. Как известно, Крым долгое

время был вообще изолирован от «большой земли», что делало местных партизан, по сути, единственными представителями законного правительства. Наконец, в-третьих, нельзя не отметить значительного влияния исламского фактора на крымские условия, чего, в таких масштабах и такой длительной срок, не было в других оккупированных советских регионах. Причем этот фактор имел двоякий характер. С одной стороны, немцы использовали настроения татарского населения для решения чисто оккупационных задач. С другой стороны, игра на исламском факторе была нужна им для нажима на Турцию. Все это, без сомнения, накладывало свой отпечаток на ситуацию в оккупированном Крыму и, соответственно, на теорию и практику решения оккупационными властями национального вопроса.

Сказанное выше – научно-историческая актуальность данной проблемы. И она не вызывает сомнений. Однако эта проблема не является чисто академической. В разряд таковых ей не дает уйти то общественно-политическое звучание, которое она приобрела за последние двадцать лет. Как известно, именно события 1941–1944 годов явились поводом для депортации с полуострова целого ряда народов. Так, например, весь крымско-татарский народ был обвинен в коллаборационизме с оккупантами и выселен в Среднюю Азию. Сейчас ясно, что никакого всеобщего коллаборационизма крымских татар не было. Это так же очевидно, как и то, что и среди других народов, населявших Крым, были свои преда-

тели. Практически все они в свое время понесли заслуженное наказание. Тем не менее клеймо «народа-предателя» до самого последнего времени висело над крымскими татарами. Официально это клеймо было снято специальным указом президента РФ В.В. Путина от 21 апреля 2014 г. Что касается стереотипа массового сознания, то, на наш взгляд, только полностью научное и подтвержденное документами изучение данной проблемы, целиком лишенное какой-нибудь идеологической подоплеки, может способствовать его исчезновению навсегда. А вместе с ним исчезнут и всякого рода околонучные спекуляции на эту и подобные ей темы.

Таким образом, в центре внимания данного исследования находится национальная политика гитлеровской Германии, которую ее оккупационные структуры осуществляли на территории Крыма.

Хронологические рамки работы охватывают период с ноября 1941 по май 1944 года, то есть период немецкой оккупации полуострова. Однако целый ряд событий, о которых идет речь в книге, либо начались раньше, либо имели свое продолжение в послеоккупационный период. Поэтому некоторые ее сюжеты выходят за указанные хронологические рамки.

Основным местом событий, исследуемых в монографии, является Крым. Тем не менее причинно-следственная связь этих событий потребовала от автора обращения к сюжетам, происходившим за пределами данного региона. А именно на

других оккупированных и неоккупированных территориях СССР, в гитлеровской Германии и в захваченных ею государствах Европы и, наконец, в Турции.

Целью данного исследования является комплексное изучение немецкой национальной политики на оккупированной территории Крыма. В связи с этим автор поставил перед собой следующие задачи:

- проследить процесс формирования нацистской геополитической и национальной доктрины относительно Крымского полуострова и населявших его народов в предвоенные годы и ее эволюцию в период Второй мировой войны;
- проанализировать систему немецкого оккупационного режима на территории Крыма; показать, какие его структуры отвечали за осуществление национальной политики; выяснить мотивы, которыми они руководствовались при принятии тех или иных решений;
- рассмотреть конкретные проявления немецкой национальной политики в политической, военной, культурной, религиозной и других сферах;
- сравнить методы и средства немецкой национальной политики относительно разных народов Крыма; показать, как ее осуществление отразилось на межнациональных отношениях в крымском сообществе;
- проанализировать реакцию советского военно-политического руководства в центре и местного партизанского движения на различные проявления немецкой оккупационной

политики на территории Крыма;

Разумеется, ни автор, ни его книга не претендуют на истину в последней инстанции. Как ни парадоксально прозвучит, но, даже опираясь на самые редчайшие и достоверные документы, трудно быть беспристрастным исследователем. Чем же тогда является эта книга? Скорее это приглашение к дальнейшему конструктивному обсуждению поставленных вопросов, к дискуссии, какой бы острой она ни была. Тем не менее автор надеется, что его исследование станет еще одним, пусть небольшим, но шагом к пониманию такой болезненной и многогранной проблемы, какой является национальный вопрос и все, что связано с этой сложнейшей сферой человеческих взаимоотношений.

Автор выражает глубокую признательность всем тем, кто любезно согласился предоставить свои материалы и помощь для подготовки данной работы. Прежде всего хотелось бы поблагодарить Антонио Муньоса (Нью-Йорк, США), без всесторонней поддержки которого этот проект был бы вряд ли осуществлен. Кроме него большая помощь была оказана со стороны следующих лиц: Йохен Бёлер (Йена, Германия), Карел Беркхофф (Амстердам, Нидерланды), Дариуш Вежхось (Варшава, Польша), Виктор Дённингхауз (Люнебург, Германия), Самуэль Митчем (Монро, Луизиана, США), Дитмар Нойтатц (Фрайбург, Германия), Джордж Нэйфзигер (Уэст-Честер, Огайо, США) и, к сожалению, уже

покойный д-р Иоахим Хоффманн (Эбринген, Германия).

Отдельную большую благодарность автор выражает всем сотрудникам Государственного архива Республики Крым (Симферополь), Федерального военного архива ФРГ (Фрайбург, Германия), Российского государственного архива социально-политической истории (Москва) и Архива новой истории Польши (Варшава, Польша), которые оказали неоценимую помощь в подборе документов и материалов для этой книги.

Глава 1

Крым и его население в свете национальной доктрины нацистского руководства

Переустройство Крымского полуострова: от теории к практике

Изменение политического статуса советских республик являлось основной целью войны Германии против СССР. В том, что этот статус будет изменен, не сомневался ни один из лидеров Третьего рейха. Однако на практике будущее устройство гражданского управления на оккупированных территориях Советского Союза вызывало наибольшее количество споров среди нацистского военно-политического руководства. Если военное управление могло носить только временный характер, а аппарат СС в принципе не имел права вмешиваться в вопросы администрирования, ограничиваясь выполнением исключительно полицейских функций, гражданская администрация, напротив, должна была стать переходной формой на пути к будущему политическому устройству всего «восточного пространства». Каким оно будет по-

сле победы Германии? На этот вопрос надо было ответить как можно быстрее и с как можно большей политической ясностью.

Проекты по «организации» имелись почти для всех частей «восточного пространства». Какие-то из них были более удачными, некоторые не годились вовсе. Что же касается Крыма, то нацисты, при всей важности этого региона, так окончательно и не решили его судьбу. Будет ли полуостров частью «вассальной Украины», или это будет территория, напрямую управляемая из рейха? На эти вопросы различные немецкие инстанции пытались ответить до конца 1943 года. После же того, как Крым был отрезан частями Красной армии, проблема его политического устройства стала попросту неактуальной.

Административные планы были только одной из сторон будущей «организации» Крыма. Не секрет, что главной особенностью его общественно-политической ситуации во все времена было то, что это многонациональный регион. И поэтому, какие бы планы нацисты ни строили, в своих выкладках они не могли пройти мимо межнациональных отношений на полуострове. Что следовало делать с населявшими Крым многочисленными национальными группами? Приходится признать, что в целом, при всем радикализме нацистской концепции национальной политики, решение этого вопроса также осталось на уровне теорий.

Устройство будущей гражданской оккупационной администрации напрямую зависело от тех концепций национальной политики, которые имели хождение среди различных группировок немецкого военно-политического руководства. Фактически, первоначально к этому делу был допущен только главный нацистский теоретик А. Розенберг, который считался признанным экспертом по внешнеполитическим и национальным вопросам. Его же основным оппонентом, как это ни покажется парадоксальным, стал сам Гитлер, который также имел свой взгляд на «восточную политику». Ее основные тезисы будущий фюрер германской нации сформулировал еще в 1920-х годах, когда писал в «Майн кампф»: *«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»*¹. В целом это была только генеральная линия. Хотя и ясно сформулированная, она тем не менее страдала одним недостатком: не было понятно, как ей следовать.

¹ Гитлер А. Моя борьба. Харьков, 2003. С. 664–665.

Взгляды Розенберга на национальный вопрос в Советском Союзе и будущее политическое устройство входивших в него республик хорошо известны. Его идеалом была слабая аграрная «Московия», окруженная со всех сторон санитарным кордоном из зависимых от Германии государств – бывших республик СССР. Мнение Гитлера по этому поводу менее известно. Многие исследователи обычно приводят вышеуказанную цитату и пишут, что фюрер был сторонником полного подчинения указанных территорий и противником любой национальной политической администрации на них. Отчасти это справедливо. Но нужно сказать, что это мнение стало таким только перед самым нападением на СССР и продолжало оставаться неизменным на протяжении всей войны. После написания «Майн кампф» и до самой разработки плана «Барбаросса» взгляды Гитлера на «восточную политику» претерпели значительную эволюцию².

Следует сказать, что, по словам американского исследователя А. Даллина, «фюрер слабо разбирался в нюансах национальных концепций его окружения»³. Поэтому трудно сказать, какой из них он отдавал наибольшее предпочтение. Это утверждение можно проиллюстрировать следующим примером. Летом 1932 года в штабе нацистской партии в Мюнхе-

² *Вторая мировая война. Взгляд из Германии: Сб. статей материалов.* М., 2005. С. 64.

³ *Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of occupation policies.* London, 1957. P. 50.

не состоялась конференция, посвященная путям и методам будущей колонизации «восточных территорий». Организатором конференции выступил один из нацистских теоретиков В. Дарре, отвечавший в окружении Гитлера за аграрную политику. В целом все темы, которые обсуждались на этой конференции, не выходили за рамки проблем сельского хозяйства и колонизации. Однако один из сотрудников Дарре сделал очень интересный доклад о «пространственных задачах восточной территориальной политики». Так, он считал, что в Восточной Европе должен возникнуть союз государств, контуры которого были намечены уже в годы Первой мировой войны. В центре – ядро, состоящее из Германии, Австрии, Чехии и Моравии. Затем – «венок» из малых и средних несамостоятельных государственных образований. А именно Прибалтийские государства, средних размеров Польша, более крупная Венгрия, разделенные на составные части Сербия и Хорватия, уменьшенная Румыния, Украина, существующая в виде нескольких независимых частей, южнорусские и кавказские государства. На северо-востоке это «федеративное государство», связанное общими вооруженными силами, экономикой, валютой и внешней политикой, должно было простирается до границ Финляндии, на юго-востоке – Грузии⁴.

Несмотря на свой радикализм, Гитлер поддержал такие принципы немецкой «восточной политики». Более того, уже

⁴ Раушинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 42–47.

после прихода к власти, в начале 1934 года, он заявил на одном из совещаний, что целью германской политики на Востоке должен быть *«альянс с Украиной, Поволжьем, Грузией и т. п. Но не альянс равных партнеров, а союз вассальных государств без отдельной армии, политики и экономики»*⁵.

События 1938–1940 годов показали, что такой ход событий вполне возможен. Именно в эти годы были созданы протекторат Чехии и Моравии, генерал-губернаторство в Польше и марионеточные правительства в Словакии и Норвегии. Поэтому, когда 22 июля 1940 года на совещании в Генштабе сухопутных войск обсуждался вопрос о будущей войне против СССР, Гитлер поставил перед своими генералами следующие политические задачи: *«Украинское государство, Федерация Балтийских государств, Белоруссия...»*⁶

Поначалу это заявление можно было понимать как угодно, вплоть до того, что Гитлер планировал создание этих независимых государств. Однако уже неделю спустя, 31 июля, он дал более ясно понять, что подразумевает под «независимостью» для этих регионов. Начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер так передал слова фюрера: *«Окончательно Украина, Белоруссия, Прибалтика – нам...»*⁷ То есть подразумевалось, что после победы эти территории будут зависимыми от Германии го-

⁵ Розенберг А. Мемуары. Харьков, 2005. С. 353–354.

⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. 1939–1942: В 3 т. М., 2002–2003. Т. 1. С. 54.

⁷ Там же. С. 81.

сударствами.

Из документов известно, что следующие четыре месяца Гитлер вообще не касался проблемы организации «восточных территорий». И только 5 декабря он вновь вернулся к этой теме, определив будущую роль западных окраин СССР. Как бы развивая свои июльские планы, фюрер высказался в том смысле, что Украина, Прибалтика и Белоруссия должны стать «буферными государствами Великой Германии»⁸.

В начале 1941 года начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал А. Йодль подал на рассмотрение Гитлеру проект так называемых «Инструкций по особым вопросам», которые прилагалась к Директиве № 21 (план «Барбаросса»). В начале марта фюрер вернул этот документ в ОКВ, снабдив его следующими дополнениями и комментариями: *«Предстоящая кампания есть нечто большее, чем просто вооруженный конфликт. Это столкновение двух различных идеологий. Ввиду масштаба вовлекаемой в эту войну территории она не закончится просто разгромом вооруженных сил противника. Вся территория должна быть разделена на отдельные государства, каждое со своим собственным правительством, с которым мы затем сможем заключить мир. Формирование этих правительств требует большого политическо-*

⁸ KTB des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. / Hrsg. v. H.-A. Jacobsen und andere. Frankfurt-am-Main. Bd. 1: 1.8.1940—31.12.1941. S. 205.

го умения и должно основываться на хорошо продуманных принципах... Сегодня социалистическую идею в России уже невозможно истребить. С точки зрения внутренних условий образование новых государств должно исходить из этого принципа. Большевистско-еврейская интеллигенция должна быть уничтожена, так как до сего дня она является «угнетателем»... Наша цель – построить как можно скорее и используя минимум военной силы социалистические государства, которые будут зависеть от нас. Задача эта настолько трудная, что ее нельзя доверить армии»⁹.

Эти указания Гитлера, которые определяли компетенцию вермахта в политической сфере, легли в основу окончательных «Инструкций» к плану «Барбаросса», подписанных начальником ОКВ генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем 13 марта 1941 года. О политическом устройстве оккупированных территорий СССР в них, в частности, говорилось следующее: «Как только зона боевых действий достигнет достаточной глубины, будет установлена тыловая граница. Оккупированная территория в тылу зоны боевых действий будет иметь собственное политическое управление. Она будет разделена по этнографическому признаку и в соответствии с разграничительными линиями групп армий. Сначала она будет состоять из «Севера» (Прибалтика), «Центра» (Белоруссия), «Юга» (Украина). На этих терри-

⁹ Цит. по: Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. М., 2005. С. 168–169.

ях политическое управление будет передано рейхскомиссарам, которые получают соответствующие указания от фюрера»¹⁰.

Известно, что и этот вариант еще не окончательно удовлетворил Гитлера. Поэтому, после ознакомления с ним 17 марта 1941 года, он снова отметил: «Мы должны создать свободные от коммунизма республики. Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан»¹¹. Необходимо подчеркнуть, что здесь Гитлер зашел наиболее далеко в своем планировании будущего устройства «восточных территорий». Последующие события показали, что он значительно охладел к идее буферного альянса из вассальных государств – бывших западных республик СССР.

В конце марта 1941 года вопрос о будущем политическом устройстве Советского Союза был поднят на качественно иной уровень. Следует сказать, что за те полмесяца, которые прошли с утверждения «Инструкций» к Директиве № 21, точка зрения Гитлера на обустройство «восточных территорий» приобрела более радикальный оттенок. Он не отказался от идеи административно-политического деления «восточного пространства». Однако теперь фюрер считал, что это не должны быть пусть и вассальные Германии, но незави-

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 115–117.

¹¹ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 496.

симые государства (даже если их независимость будет только фикцией). Всю оккупированную территорию СССР следовало поделить на административные единицы, которые напрямую и полностью будут подчиняться Германии. То есть предполагалось создать что-то вроде «древневосточных сатрапий, но на новый лад». По мнению А. Даллина, которому принадлежит взятая в кавычки фраза, такая эволюция во взглядах Гитлера произошла из-за изменений политической и военной обстановки, имевшей место в течение этого года. В 1939 и начале 1940 года он мог вполне искренне говорить о создании независимых Украины, Белоруссии и Прибалтики, чтобы таким образом воздействовать на английскую, французскую и советскую дипломатию, а также оказывать контрвоздействие на политику польского эмигрантского правительства. Теперь такие игры Гитлеру нужны не были: как известно, с лета 1940 года нацистская Германия была хозяином всего Европейского континента¹².

Свою новую точку зрения Гитлер высказал 30 марта 1941 года на совещании германского военно-политического руководства, в ходе которого цели войны против СССР были определены окончательно. С военной точки зрения они должны были заключаться в достижении линии Архангельск – Астрахань, а в политическом плане следовало сделать так, чтобы «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала». В заключение своего вы-

¹² *Dallin A. Op. cit. P. 50–51.*

ступления Гитлер выразился более конкретно: «Наши задачи в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство»¹³. Для управления же захваченными советскими территориями фюрер предлагал создать «протектораты»: в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии. Слово «протекторат» здесь взято в кавычки намеренно. Конечно, это не должны были быть протектораты, как в Чехии и Моравии. Скорее речь шла только о политической ширме¹⁴.

Это мартовское совещание знаменательно еще и тем, что на нем все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных территориях» были переданы в ведомство Розенберга. Теперь только он и его подчиненные могли заниматься этим. Уже 2 апреля 1941 года Розенберг представил первый меморандум, в котором полностью отразил свои политические взгляды и концепцию решения национального вопроса в СССР. В целом он предлагал разделить его на семь регионов:

- Великороссия с центром в Москве;
- Белоруссия с Минском или Смоленском в качестве столицы;
- «Балтенланд» (Эстония, Латвия и Литва);
- Украина и Крым с центром в Киеве;
- Донская область с Ростовом-на-Дону в качестве столицы;

¹³ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 520, 522.

¹⁴ Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск, 2000. С. 286–289.

- Кавказский регион;
- Туркестан (российская Центральная Азия).

Согласно концепции, изложенной в этом документе, Россия (или, вернее, то, что от нее оставалось) должна была быть отрезана от остального мира кольцом нерусских государств. Однако это было еще не все: по замыслу Розенберга она еще и теряла целый ряд территорий с русским населением. Так, Курск, Воронеж и Крым отходили к Украине, а Ростов-на-Дону и Нижняя Волга – к Донской области. В будущей России «полностью уничтожалась еврейско-большевистская администрация», а сама она «должна была быть подвергнута интенсивной экономической эксплуатации» со стороны Германии. Кроме того, это территориальное образование получало статус гораздо ниже, чем даже у окружавших его «государств», чтобы служить своего рода «приемником» для всех «нежелательных элементов с их территориями»¹⁵.

Этот план вызвал существенные замечания Гитлера, который считал, что деление будущей оккупированной территории не должно быть таким дробным, а создаваемые административные единицы – искусственными. Например, организация отдельной Донской области не была, на его взгляд, обусловлена ни политически, ни экономически, ни даже с точки зрения национальной политики. Это же касалось и Белоруссии. Фюрер считал, что ее необходимо объединить с Прибалтикой – так будет удобней с административной точ-

¹⁵ Germany and the Second World War: In 9 vols. Oxford, 1998. Vol. 4. P. 488.

ки зрения. И такие замечания были высказаны практически по всем пунктам меморандума Розенберга. Однако следует признать, что его генеральной линии они почти не затронули. Гитлер ничего не имел против таких пассажей, в которых шла речь о «дальнейшей дифференциации среди населения оккупированных территорий», «украинском народе и его свободе», «освобождении народов Кавказа» и «спасении эстонской, латышской и литовской наций». Что же касается «*России или русских территорий, то о каких-либо изменениях в их судьбе не могло быть и речи*»¹⁶.

Розенберг работал над своим новым меморандумом больше двух месяцев. Наконец 20 июня 1941 года в Берлине состоялось совещание высшего военно-политического руководства Германии, на котором Розенберг представил Гитлеру новый план будущего административно-политического устройства «восточных территорий». Согласно этому плану предполагалось создать пять административных единиц – рейхскомиссариатов (*Reichskommissariat*):

- «Московия» (центральные области России);
- «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия);
- «Украина» (большая часть Украины и Крым);
- «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия) и
- «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия).

Эти административные единицы планировалось созда-

¹⁶ Dallin A. Op. cit. P. 52–53.

вать по мере продвижения линии фронта на Восток и после военно-политического умиротворения указанных регионов¹⁷.

В целом Гитлер согласился с таким решением проблемы и уже 17 июля 1941 года, почти через месяц после нападения на СССР, подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных территориях. Этим приказом было создано министерство оккупированных восточных областей (*Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete*) – главный руководящий орган для указанных административных единиц. Возглавил министерство А. Розенберг¹⁸. Провал планов «молниеносной войны» против Советского Союза привел к тому, что удалось создать только два рейхскомиссариата – «Остланд» и «Украина».

Юридически они начали функционировать 1 сентября 1941 года. В своем же окончательном виде их территория оформились только к декабрю 1941 года¹⁹.

Согласно планам Розенберга, Крымский полуостров вместе с Херсонской и Запорожской областями должен был войти в генеральный округ «Крым» (*Generalbezirk Krim*), с общей площадью 22 900 кв. км и населением 661 981 человек (по состоянию на 1 сентября 1941 года). По вертика-

¹⁷ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 144. Л. 330–332.

¹⁸ Там же. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 183. Л. 45–46.

¹⁹ *Bräutigam O. Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges.* Tübingen, 1954. S. 4–5.

ли эта новая административная единица являлась составной частью рейхскомиссариата «Украина» (*Reichskommissariat Ukraine*). Во главе генерального округа был поставлен видный член нацистской партии и бывший гауляйтер Вены А. Фрауэнфельд. За период немецкой оккупации система управления на территории Крыма несколько раз подвергалась изменениям. Однако более подробно об этом будет рассказано в следующих разделах²⁰.

Руководство Третьего рейха в целом понимало, что победить СССР одной военной силой и без использования политических методов практически невозможно. Одним из таких методов могла быть игра на национальных противоречиях в советском обществе, которые не исчезли, а были только искусственно притушены большевиками. Но как, где и в каких масштабах использовать эти противоречия? Германское военно-политическое руководство так и не решило этот вопрос до самого конца войны. Вообще, на всей национальной политике Третьего рейха лежала печать какой-то двойственности. Часто одни инстанции на одной и той же территории разрешали делать то, что параллельно запрещали делать другие. Этому есть несколько причин. О первой было достаточно сказано выше – это неоднородность немецкого оккупационного аппарата.

²⁰ Das Deutsche Reich und Zweiten Weltkrieg / Hrsg. vom MGFA: In 9 bd. Stuttgart – München, 1979–2007. Bd. 5. Halbbd. 2. S. 45.

Вторая вытекала из нее и заключалась в том, что каждая из ветвей немецкой оккупационной администрации претендовала на свое (и единственно правильное) понимание национальной политики. Как известно, у немецкого военно-политического руководства не было единого взгляда на оккупационную политику в СССР вообще и национальный вопрос в частности. Из всего многообразия мнений в целом можно выделить две основные точки зрения: «прорусскую» и «национальную». Носителями первой являлись в основном офицеры вермахта среднего и отчасти высшего звена, которые считали, что для успешного проведения оккупационной политики надо наладить отношения только с русским народом, как самым многочисленным и влиятельным в Советском Союзе. Национальные движения же других народов казались им слабыми и неспособными на серьезную оппозицию большевизму. Здесь следует подчеркнуть, что многие из этих офицеров оказались впоследствии замешаны в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 года. Основным недостатком этой группировки было то, что она не имела ярко выраженного лидера, при наличии большого числа сторонников. Главным апологетом второй точки зрения был А. Розенберг. В отличие от своих оппонентов он считал, что в СССР надо опираться прежде всего на нерусские народы и национальные меньшинства. И всю национальную политику здесь надо свести к тому, чтобы как можно глубже разъединить русских и всех остальных. Розенберг был главным идеологом и тео-

ретином нацистской партии. Однако он не имел серьезного политического веса в глазах ее лидеров. И сторонников проведения своей политики Розенберг имел значительно меньше, чем предыдущая группировка. Тем не менее на территориях, где гражданская администрация существовала, пусть даже, как в Крыму, формально, его точка зрения составляла достойную конкуренцию своим «прорусским» оппонентам²¹.

Третья причина заключалась в той пропаганде, которой сопровождалось нападение на СССР. Так, среди военнослужащих вермахта в огромном количестве распространялись листовки и брошюры с фотографиями советских солдат, преимущественно из Средней Азии, которые были снабжены следующим текстом: «*Вот каковы татаро-монгольские твари! От них тебя защищает солдат фюрера!*» Органами пропаганды СС даже была выпущена специальная брошюра, которая называлась «Недочеловек» (*Der Untermensch*) и была предназначена играть роль некоего справочного пособия по обращению с «восточными народами». Она также была снабжена многочисленными фотографиями жуткого вида людей, которые именовались в ней «грязными, монголоидными, скотскими ублюдками». Однако, как это ни парадоксально, «монголы» из этих материалов были такой же фигурой пропаганды, как и «еврейские комиссары». На самом деле нацисты, только за редким исключением, были осведом-

²¹ Alexiev A. *Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945*. Santa Monica, 1982. P. 3–8.

лены о том, кто такие в действительности турки и монголы. И планов, как с ними поступать, у них вообще не было²².

Наконец, была еще одна, четвертая причина, которая касалась непосредственно крымской специфики. Дело в том, что германское военно-политическое руководство практически до самого конца войны так и не решило, что ему делать с Крымом и населяющими его народами.

Выше уже шла речь о том, как Розенберг планировал разделить СССР. Как известно, один из пунктов этого плана назывался «Украина с Крымом». Его последующий меморандум также подразумевал, что Крым будет частью будущей «Великой Украины» под названием «Таврия». Однако многочисленные рукописные пометки на этом документе свидетельствуют о том, что формулировка именно этого пункта далась Розенбергу с большим трудом. Он явно понимал, что Крым только с большой натяжкой можно отнести к Украине, так как число проживавших там украинцев было ничтожно мало (чтобы хоть как-то решить эту проблему, Розенберг предлагал выселить с полуострова всех русских, евреев и татар). Но это был не единственный парадокс плана рейхслайтера. Одновременно с указанным моментом он настаивал, чтобы Крым находился под прямым контролем правительства Третьего рейха. Чтобы объяснить этот казус, Розенберг

²² *Гилязов И.А.* На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар во Второй мировой войне. Казань, 1998. С. 46.

всячески подчеркивал «германское влияние» на полуострове. Так, он утверждал, что до Первой мировой войны немецким колонистам принадлежали здесь значительные территории. Но и это было не главное. Оказывается, еще в XVI столетии в Крыму жили готы – одно из древних германских племен! Таким образом, «Таврия» только «технически» присоединялась к Украине. Управлять же ею должны были из Берлина²³.

Несмотря на свою полную противоречивость, планы Розенберга относительно Крыма были только отражением «двойственной аргументации Гитлера о причинах его германизации». Во-первых, как считал фюрер, Крым должен был стать «немецким Гибралтаром», с помощью которого можно было бы контролировать все Черное море. Во-вторых, привлекательным для немцев он мог стать потому, что шеф Германского трудового фронта Р. Лей мечтал превратить полуостров в «один огромный немецкий курорт». Как отмечал американский исследователь А. Даллин, *«в этих завоевательных планах реальность и фантазия смешались поровну»*²⁴.

Более конкретно о судьбе Крыма Гитлер высказался на совещании военно-политического руководства Третьего рейха 16 июля 1941 года. В своей речи он специально выделил его из ряда других оккупированных советских территорий

²³ Dallin A. Op. cit. P. 253–254.

²⁴ Ibid. P. 254.

и сказал, что полуостров «необходимо очистить от всех чужаков и заселить германцами». В частности, русских предполагалось выселить в Россию. По воспоминаниям одного из присутствующих, фюрер выразился следующим образом: «Она для этого достаточно велика»²⁵.

Как свидетельствуют документы, «крымский вопрос» и судьба населения полуострова занимали Гитлера и в последующие месяцы. Когда Розенберг посетил его в декабре 1941 года, фюрер еще раз повторил ему, что «Крым должен быть полностью очищен от негерманского населения». Эта встреча интересна еще и с той точки зрения, что на ней была затронута проблема так называемого «готского наследия». Имея в виду его значимость, Гитлер выразил желание, чтобы после окончания войны и решения вопроса с населением Крым получил бы название «Готенланд». Розенберг сказал, что он уже думает над этим, и предложил переименовать Симферополь в Готенбург, а Севастополь – в Теодорихсхафен. Продолжением «готских планов» Гитлера и Розенберга явилась археологическая экспедиция, организованная генеральным комиссаром А. Фрауэнфельдом в июле 1942 года. Непосредственным руководителем этого мероприятия был назначен фюрер СС и полиции «Таврии» Л. фон Альвенслебен. В ходе экспедиции было обследовано городище Мангуп – бывшая столица княжества Феодоро, которое было уни-

²⁵ *Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944)*. М., 1985. С. 48.

что жено турками в 1475 году. Вывод нацистских археологов: крепость Мангуп, а также еще целый ряд городов на Южном берегу Крыма были построены готами. Этот и другие тезисы были изложены в книге «Готы в Крыму», которую написал один из участников экспедиции, полковник В. Баумельбург²⁶.

Фантазии относительно «Готенланда» так и остались фантазиями, а вот планы относительно переселения немцев в Крым разные инстанции Третьего рейха неоднократно подавали Гитлеру для рассмотрения. Откуда же предполагалось взять такое количество населения, чтобы восполнить те демографические потери, которые бы неизбежно повлекла за собой «зачистка» полуострова от всех «ненемцев»?

Во-первых, руководство СС предлагало переселить сюда 140 тыс. этнических немцев из так называемой Транснистрии – территории СССР между реками Днестр и Южный Буг, которая находилась под управлением Румынии. Этот план стоял на повестке дня до самого освобождения Крыма, но немцы к нему так и не подступились²⁷.

Во-вторых, летом 1942 года генеральный комиссар Фрауэнфельд подготовил специальный меморандум (его текст, к сожалению, не сохранился), копии которого он затем разослал в разные немецкие инстанции. В нем этот чиновник

²⁶ *Pringle H.* The master plan: Himmler's scholars and the Holocaust. New York, 2006. P. 224.

²⁷ *Dallin A.* Op. cit. P. 255.

предлагал переселить в Крым жителей Южного Тироля, чтобы раз и навсегда решить старый итало-германский спор. Известно, что Гитлер отнесся к этому плану с большим энтузиазмом. Так, на одном из совещаний он сказал буквально следующее: *«Я думаю, что это великолепная идея. Кроме того, я также считаю, что Крым и климатически, и географически подходит тирольцам, а по сравнению с их родиной он действительно земля, где текут реки с молоком и медом. Их переселение в Крым не вызвало бы ни физических, ни психологических трудностей»*²⁸.

К слову, рейхсфюрер СС и шеф германской полиции Г. Гиммлер, в чьем ведении находились все вопросы по «укреплению германской расы», также был не против такого решения «тирольской проблемы». Более того, он готов был уступить тирольцев Фрауэнфельду, даже несмотря на то, что ранее планировал поселить их в «Бургундии» – еще одном государстве, где после окончания войны должна была «концентрироваться германская кровь». Но, по мнению Гиммлера, переселять их следовало только после окончания войны. В конце концов Гитлер согласился именно с рейхсфюрером, хотя и подписал в начале июля 1942 года директиву, согласно которой выселение русских из Крыма должно было начаться уже сейчас, а украинцев и татар – чуть позже²⁹.

²⁸ Picker H. Hitlers Tischgespräche. Bonn, 1951. S. 314.

²⁹ Бройнингер В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921–1945. М., 2006. С. 385–386.

В-третьих, во второй половине 1942 года Фрауэнфельд разработал еще один план. На этот раз он предлагал переселить в Крым 2 тыс. немцев из Палестины. Как это можно было сделать в условиях британской оккупации региона, оставалось «за скобками». В целом фантастичность этого плана была настолько очевидной, что даже Гиммлер приказал отложить его до лучших времен³⁰.

Наконец, предел всем планам и усилиям по переселению положили протесты тех органов вермахта, которые отвечали за военную экономику. Так, в середине августа 1943 года начальник Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель решительно выступил против каких-либо перемещений населения в условиях войны. Не без основания он заметил, что «эвакуация» русских и украинцев – $\frac{4}{5}$ всего населения Крыма – полностью парализует экономическую жизнь. Тремя неделями позднее Гитлер принял сторону военных и высказался в том смысле, что любые перемещения возможны только после окончания войны. С этой точкой зрения согласился и Гиммлер. Он, конечно, считал, что переселение немцев необходимо и планировать, и осуществлять, но делать это в условиях военной ситуации крайне преждевременно. Кстати следует сказать, что Гиммлер самым решительным образом воспротивился планам по выселению татар из Крыма. Правда, этот запрет должен был дей-

³⁰ Das Deutsche Reich und Zweiten Weltkrieg... Bd. 6. S. 840–841.

ствовать только в военный период. По его словам, это бы было катастрофической ошибкой. *«Мы должны сохранить в Крыму хотя бы часть населения, которое смотрит в нашу сторону и верит в нас»*, – подчеркивал рейхсфюрер³¹.

В принципе на этом можно поставить точку, так как осенью 1943 года немцам стало не до администрирования и дискуссий по поводу национального вопроса: Крым был отрезан частями Красной армии и превратился в «осажденную крепость».

Следует сказать, что рассказ о немецких планах на Крым будет не полным, если не упомянуть еще об одной стороне этой проблемы. А именно: о позиции Турции. Теперь не секрет, что одной из причин «благосклонного» отношения Германии к тюркским и мусульманским народам было желание повлиять на эту позицию и втянуть Турцию в войну на стороне стран оси. Но и Турция не была пассивной стороной в этой игре. Не желая связывать себя какими-либо обязательствами, ее официальные круги действовали через так называемые пантюркистские организации, идеология которых (хоть и не официальная) была довольно сильна в то время. Преследуя конечную цель объединить все тюркские народы в одном государстве под эгидой Турции, они надеялись, что Германия, разгромив СССР, окажет им в этом помощь. Крымские татары, как первый тюркский народ, оказавшийся под

³¹ Dallin A. Op. cit. P. 257.

немецкой оккупацией, должны были оказаться в этой игре разменной монетой и объектом для экспериментов.

В сентябре 1941 года, с целью «прояснить позицию Германии относительно требований пантюркистов», в Берлин прибыл один из лидеров этого движения Нури-паша. С 11 по 25 сентября он вел обстоятельные переговоры с начальником политического отдела министерства иностранных дел (МИД) Германии Э. Верманном. Результатом этих встреч было решение создать в Берлине специальный комитет, который бы занимался пропагандой идей пантюркизма, *«в частности, среди военнопленных-тюрков и мусульман вообще, с целью их использования для агитации на советской территории и образования из них воинских частей»*³².

Известно, что в переговорах с Верманном Нури-паша уделил значительное внимание проблеме будущего политического устройства Крымского полуострова. Так, в одной из бесед он подчеркнул: *«Предоставление свободы такой небольшой области, как Крым, явилось бы для Германской империи не жертвой, а политически мудрым мероприятием. Это была бы пропаганда в действии. В Турции она произвела бы сильный политический эффект, так как там проживает много эмигрантов из Крыма, которые не потеряли связей со своей родиной»*³³.

³² Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны. Ереван, 1977. С. 112, 113.

³³ Цит. по: Dallin A. Op. cit. P. 258.

Вскоре появились и более реальные результаты этих переговоров. В начале октября 1941 года два близких к пантюркистским кругам турецких генерала – Али Фуад Эрден и Хюсюн Эмир Эркилет – совершили поездку на советско-германский фронт, а именно на Крымский полуостров. Цель поездки: ознакомление с успехами германских войск. Однако, по воспоминаниям представителя МИД при командовании 11-й армии В. фон Хентига, «они менее всего интересовались нашими военными успехами, чем нашими политическими намерениями, прежде всего относительно тюркских народов России». Параллельно оба генерала выразили серьезное беспокойство за судьбу тюркских военнопленных, и в особенности крымских татар³⁴.

Наконец, 8 августа 1942 года, уже в период оккупации, Крым посетила еще одна турецкая делегация. На этот раз она была более представительной: во главе уже шести человек находились депутат турецкого парламента Наджмеддин Заддак и генеральный инспектор печати Селим Зариер. Делегации была устроена торжественная встреча. На Симферопольском аэродроме ее приветствовали представители командования вермахта в Крыму и руководство Симферопольского мусульманского комитета. В этот же день турки посетили татарский военный госпиталь, музей «Таврида» и мечеть, в которой проходило богослужение. Утром 9 августа

³⁴ *Гилязов И.А.* Пантюркизм, пантуранизм и Германия // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 98.

делегация отбыла в Будапешт. Как писала местная коллаборационистская газета «Голос Крыма», *«основной целью визита этих гостей было желание воочию убедиться в лживости советской и западной пропаганды»* (вероятно, имеются в виду сообщения о зверствах немцев и их прислужников на оккупированных советских территориях)³⁵.

Тем не менее контакты с официальным Берлином не ограничивали круг деятельности пантюркистов. И в Германии, и в Крыму они пытались действовать через протурецки настроенных крымских татар.

Наконец, нельзя не остановиться еще на одном аспекте национальных отношений на территории Крымского полуострова.

В одном из последних романов Ю. Семенова – «Отчаяние» – его герой, знаменитый Штирлиц, говорит такие слова офицеру советской госбезопасности: *«Допускаю: в сорок третьем надо было думать о той части страны, которую предстояло освободить... А там в каждом городе выходили собственные нацистские газеты, которые редактировали наши люди, работала русская полиция, агентура, свои палачи, лютвали свои подразделения СД; надо было продемонстрировать тем, кто прожил в оккупации годы, что мы от комиссаров отступили к прежней России...»*³⁶

³⁵ Голос Крыма. 1942. № 76.

³⁶ Семенов Ю.С. Отчаяние: Романы, рассказы. М., 1998. С. 103.

Талантливый писатель всего в нескольких фразах приоткрыл нам одну из самых трагических и вместе с тем неоднозначных страниц истории Второй мировой войны. Это – проблема взаимоотношений разных групп населения на оккупированных советских территориях. Взаимоотношений между собой, с нацистами и «длинной рукой» советского режима – партизанами.

Долгое время считалось, что все население оккупированных советских территорий было негативно настроено к захватчикам. Наиболее активная его часть ушла в партизанские отряды, остальные вредили немцам по мере своих сил и возможностей. Были, конечно, и те, кто служил оккупантам. Но их было немного, и все они были «либо отщепенцами и деградировавшими личностями, либо уголовниками». Это черно-белое утверждение верно только отчасти. Действительно, значительная часть населения оккупированных территорий положительно относилась к советской власти, считая ее своей, и действительно некоторая его часть вступила в созданные этой властью партизанские отряды. Правда и то, что на другом полюсе стояли противники советской власти, однако ситуация с ними не была такой простой, как представлялось официальной точкой зрения. Теперь уже не является секретом, что перед началом войны в СССР существовало огромное количество недовольных режимом, чьи настроения не мог не использовать такой осмотрительный враг, каким являлись немцы. А если прибавить

еще и социальное недовольство, и нерешенный национальный вопрос, то ситуация приобретала просто угрожающие размеры. Среди тех, кто пошел на сотрудничество с немцами, были, конечно, и идейные противники коммунистической власти. Но, как и в случае с ее сторонниками, они представляли собой хоть и активное, но меньшинство. Тем не менее это были только два полюса, и своими, пусть и активными, позициями мировоззрение всего населения они не выражали. Основная же масса последнего (и этому есть много свидетельств как с той, так и с другой стороны) занимала выжидательную позицию. И история оккупации – во многом это борьба, как идейная, так и вооруженная, за эту нейтральную часть населения (фраза из романа Ю. Семенова характеризует сложившуюся ситуацию как нельзя лучше).

Естественно, главными силами в этой борьбе были СССР и Германия, которые действовали непосредственно друг против друга на линии фронта. На оккупированных территориях основным противником нацистов была просоветская часть населения, наиболее активными из которой были партизаны. Противниками же последних были не только немцы, но и те, кто в силу различных причин встал на их сторону. Или только сделал вид, что встал, но на самом деле преследовал свои цели. А таких было тоже немало, так как туманные немецкие концепции по будущему устройству «восточного пространства» не оставляли им иного выбора.

Марксисты утверждали, что *«гражданская война – это*

*наиболее острая форма классовой борьбы за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны»*³⁷. Однако это также один из примеров упрощения проблемы, когда в качестве единственной причины такого сложного явления, каким, безусловно, является гражданская война, берется только один социальный фактор. Тогда как вся мировая история свидетельствует о том, что причины гражданского противостояния лежат гораздо глубже – в сфере ценностей. Гражданские войны возникают там и тогда, когда одна часть общества перестает разделять те ценности, которые являются базовыми для другой части. И они не обязательно классовые или социальные³⁸.

Все это и дает нам основания утверждать, что некоторые события истории Второй мировой войны нельзя объяснить только немецко-советским противостоянием. По своим причинам они намного сложнее и имеют характер типичной гражданской войны, со всеми присущими ей основными особенностями. Этих причин, мелких и значительных, было много. Однако зачастую гражданская война на оккупированных советских территориях проходила в трех «измерениях»: политическом, национальном и военном. Обычно имело место сочетание не более двух таких «измерений», характерных для каждого из оккупированных регионов и вытекающих из особенностей его исторического развития. Но только

³⁷ *Краткий политический словарь*. М., 1987. С. 97.

³⁸ *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: В 2 кн. М., 2002. Кн. 1. С. 297.

один из них является на этом фоне действительно уникальным. Это – Крым, где гражданская война в период немецкой оккупации протекала во всех трех «измерениях», которые к тому же настолько переплелись между собой, что понять причины одного невозможно без изучения другого.

Непременным атрибутом почти всех гражданских войн является иностранная военная интервенция, цель которой поддержать одну из противоборствующих сторон³⁹. Гражданская война образца 1941–1944 годов также происходила в условиях иностранного вмешательства. Однако в отличие, например, от конфликта 1918–1922 годов она была вызвана этим вмешательством, являлась его следствием. Конечно, гражданское противостояние в ходе Второй мировой войны – это одна из страниц ее истории. Тем не менее это одновременно и часть истории немецкой оккупационной политики на советских территориях, которая оказала существенное влияние на все «измерения» этого конфликта.

³⁹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 4.

Военно-политический коллорабационизм советских граждан в годы Второй мировой войны

Важной составляющей немецкой оккупационной и национальной политики являлось привлечение населения оккупированных советских территорий к сотрудничеству. Поэтому имеет смысл сказать несколько слов о проблеме коллаборационизма.

В советской исторической литературе всех, кто сотрудничал с военно-политическими структурами нацистской Германии, было принято изображать только с негативной стороны и одновременно крайне упрощенно. Это, естественно, не способствовало пониманию такого общественно-политического явления, каким был коллаборационизм. В реальности это явление было намного сложнее и на всем протяжении своего существования зависело от целого ряда факторов, которые оказывали на него то или иное влияние.

На наш взгляд, к понятию «коллорабационизм» подходит следующее определение: это добровольное сотрудничество с нацистским военно-политическим руководством на территории Германии или оккупированных ею стран, с целью установления или укрепления нового административ-

но-политического режима. Исходя из сфер такого сотрудничества принято выделять политическую, административную, военную, экономическую, культурную и бытовую разновидности коллаборационизма. А к наиболее активным относить три первые разновидности. Таким образом, административный коллаборационизм – это работа в органах местного «самоуправления», организованных при поддержке оккупантов. Политический коллаборационизм – участие в деятельности всевозможных «правительств», «советов» и «комитетов», созданных с целью получения власти и влияния на политику оккупантов. Наконец, военный коллаборационизм – это служба в силовых структурах нацистской Германии (вермахт, войска СС и полиция)⁴⁰.

Другой крайностью, свойственной, например, западной историографии, является попытка поставить советский коллаборационизм в один ряд с похожими явлениями, которые имели место в оккупированной нацистами Европе⁴¹. Действительно, между ними есть много схожего. Тем не менее, и это следует подчеркнуть, советский коллаборационизм был, по сути, продолжением событий Гражданской войны 1918–1920 годов, а его предпосылками послужили особенности общественно-политического развития предвоенного СССР.

⁴⁰ *Романько О.В.* ОУН і УПА в Другій світовій: боротьба за національне визволення чи громадянське протистояння // *Історичний журнал.* 2007. № 3. С. 3–4.

⁴¹ *Neulen H.-W.* An Deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München, 1985. S. 39–49; *Seidler F.W.* Die Kollaboration: 1939–1945. München; Berlin, 1995. S. 8–42.

Среди них прежде всего следует назвать репрессии, коллективизацию, религиозные притеснения и т. п.

К предпосылкам, повлиявшим на появление коллаборационизма, также следует отнести и такие, которые имели более глубокий характер и складывались на протяжении более длительного исторического периода. Среди них наиболее существенными являлись национальные противоречия. В годы революции и Гражданской войны произошло их значительное обострение, выведшее национальный вопрос из культурной сферы в сферу политическую. Поэтому за двадцать послереволюционных лет национальные противоречия могли быть только внешне разрешены советской властью и имели значительный конфликтогенный характер.

К началу 1940-х годов эти предпосылки привели к тому, что в определенной части советского общества оформились стойкие протестные настроения, вылившиеся в ряде случаев в повстанческое движение⁴².

Все перечисленное можно назвать внутренними предпосылками. Однако были еще внешние факторы, которые также сыграли свою роль. К таким факторам можно отнести немецкие геополитические планы по поводу Советского Союза, деятельность антисоветской эмиграции и ее место в рамках этих планов. После начала Великой Отечественной войны к ним прибавилось еще два существенных фактора: особенности немецкого оккупационного режима в том или

⁴² *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 99–118.

ином регионе СССР и положение на фронтах⁴³.

Причины, приведшие к созданию коллаборационистских формирований, были двух типов. Условно их можно назвать «немецкими» и «национальными», то есть такими, которыми руководствовались, соответственно, представители немецкого руководства и представители тех или иных национальных движений. Привлекая добровольцев из числа населения оккупированных советских территорий, немецкое военно-политическое руководство, во-первых, рассчитывало пополнить людские ресурсы, в использовании которых к зиме 1941 года наметился явный кризис. Во-вторых, оно планировало создать эффективные силы для борьбы с набирающим мощь партизанским движением. Причем следует отметить, что наряду с чисто военным вопросом здесь имелся и определенный пропагандистский эффект – заставить партизан сражаться с их соотечественниками. В-третьих, на определенном этапе привлечение добровольцев стало символизировать начало «новой» немецкой политики. Известно, что перед наступлением на Кавказ были созданы многочисленные формирования из числа представителей населявших его народов. Наконец, в-четвертых, создание коллаборационистских формирований по национальному признаку было действенным инструментом национальной полити-

⁴³ Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945. М., 2008. С. 7–8.

ки нацистов⁴⁴.

Таким образом, немецкая сторона была явным инициатором этого процесса. Однако роль второго типа причин также нельзя недооценивать. В ряде случаев представителям национальных движений принадлежала не менее активная роль. Как правило, определяющими в данном случае были следующие мотивы: коллаборационистские формирования как инструмент давления на немцев, как средство борьбы против своих идеологических противников и, на заключительном этапе войны, как предмет торга с западными союзниками⁴⁵.

Следует подчеркнуть, что среди германского военно-политического руководства не было единого мнения относительно советского коллаборационизма. По сути, дискуссии шли до самого конца войны. В целом немецкую политику по привлечению к сотрудничеству населения оккупированных советских территорий можно условно разделить на три этапа. Проводя оккупационную политику на первом из них (июнь 1941 – декабрь 1942 года), немцы в качестве основного ее метода использовали террор и принуждение: пока вермахт одерживал на фронтах победы, а в тылу еще не развернулось мощное партизанское движение, союзники среди местного населения Гитлеру нужны не были. *«Даже если в*

⁴⁴ *Brütigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. Tübingen, 1954. S. 84–90; *Simon G.* Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986. S. 217–228.

⁴⁵ *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945... С. 14.

конкретных обстоятельствах окажется проще обратиться за военной помощью к каким-нибудь завоеванным народам, – заявил он на одном из совещаний, – это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас...»⁴⁶

Поэтому привлечение населения к сотрудничеству было ограничено в целом следующими моментами: разрешением на очень урезанное самоуправление и культурную деятельность; созданием разведывательно-диверсионных подразделений, использованием «добровольных помощников» при армейских частях или набором контингента в части вспомогательной полиции – и некоторыми послаблениями в сфере землепользования⁴⁷.

Точка зрения Гитлера была доминирующей и отражала реальные воззрения большинства членов нацистской партии на проведение «восточной политики»⁴⁸. С ней, разумеется, соглашались почти все, во всяком случае внешне. Например, самыми последовательными сторонниками гитлеровской версии политики были М. Борман, Г. Геринг, рейхс-комиссар «Украины» Э. Кох и, до определенного момента, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер⁴⁹. Однако, несмотря на всю тоталитарность немецкой государственной машины, существо-

⁴⁶ Цит. по: *Беттел Н.* Последняя тайна. М., 1992. С. 85.

⁴⁷ *Dallin A.* Op. cit. P. 538–542.

⁴⁸ *Ilnytzkj R.* Deutschland und die Ukraine 1934–1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik: ein Vorbericht: In 2 bd. München, 1958. Bd. 1. S. 15–30.

⁴⁹ *Розенберг А.* Мемуары. Харьков, 2005. С. 356–358.

вало как минимум еще четыре точки зрения, отличные от мнения Гитлера. В целом за основу был взят общий тезис: население оккупированных восточных областей надо активнее привлекать к сотрудничеству. Вся же разница этих точек зрения заключалась только в методах, средствах, масштабах предполагаемого использования.

Первую из них назвать политически или идеологически обоснованной позицией трудно. Эта точка зрения была вызвана к жизни сиюминутным стечением обстоятельств. Тем не менее не упомянуть ее нельзя, так как на низовом административном уровне роль свою она, безусловно, сыграла. Так, некоторые чиновники и офицеры военной оккупационной зоны полагали, что советские граждане станут лояльнее, если относиться к ним «по-джентльменски». Как правило, это были далекие от политики люди, убеждения которых базировались на опыте Первой мировой войны⁵⁰.

Следующая точка зрения на «восточную политику» получила в историографии наименование «утилитаризм». От первой позиции она отличалась уже тем, что ее носителем была вполне обособленная (хотя и далеко не единая) группа лиц (как убежденных гитлеровцев, так и не принадлежащих к нацистской партии), которая предполагала действовать по определенной программе. Как уже понятно из самого названия этой группы, идеологии и политики в ее действиях было чуть больше, чем у предыдущей. Главной же це-

⁵⁰ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 206, 207.

лью сторонников политики утилитаризма была максимальная польза, которую могла извлечь Германия из сотрудничества с местным населением. Интересно, что негласным лидером нацистского крыла утилитаристов являлся такой хитрый политик, как министр пропаганды и народного просвещения Третьего рейха д-р Й. Геббельс. В частности, он считал, что прежде всего надо усилить пропагандистскую обработку «восточных» народов, изъяв из нее все упоминания об их неполноценности, колониальном характере войны Германии против СССР и т. п. На место этих тезисов должны были быть поставлены туманные обещания свободы и независимости, но только в будущем, после окончания войны⁵¹. Такие, например, указания содержатся в одном из документов его министерства, озаглавленном «О пропагандистской обработке европейских народов» и разосланном 15 февраля 1943 года всем высшим функционерам нацистской партии и местным руководителям пропаганды. В нем, в частности, говорилось: *«Нельзя называть восточные народы, ожидающие от нас освобождения, скотами, варварами и т. д. и в этом случае ждать от них заинтересованности в германской победе»*⁵².

⁵¹ Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). М., 1980. С. 138–142.

⁵² Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 377–380.

Утилитаризм доктора Геббельса был больше связан с психологической войной и не шел дальше обычных пропагандистских лозунгов. Тем более было неясно, как скоро такая политика принесет желаемые плоды. Однако у этой группировки было еще одно крыло – военное, адепты которого обращали внимание исключительно на практическую сторону сотрудничества с населением оккупированных советских территорий и советскими гражданами вообще. Прежде всего, ими были высшие офицеры вермахта, заинтересованные в как можно большей эффективности этого сотрудничества. Причем в кратчайшие сроки. Так, наиболее масштабной акцией данной группы лиц стало привлечение советских военнопленных в ряды так называемых «добровольных помощников», или «хиви», речь о которых пойдет ниже. Остается добавить, что наиболее выдающимся выразителем этой точки зрения являлся генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Э. Вагнер⁵³.

И сторонники отношения к советскому населению «по-джентльменски», и утилитаристы сыграли, конечно, свою определенную роль в возникновении и развитии военного коллаборационизма. Однако их значение не стоит преувеличивать. Во-первых, обе эти позиции были всего лишь модификациями (пусть и несколько неожиданными) гитлеровской политики и поэтому уже *априори* не рассматривали «во-

⁵³ Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, Mass., 1952. P. 14–15.

сточные» народы как равноправных партнеров. Во-вторых, несмотря на то что носителями этих точек зрения были весьма влиятельные и близкие к Гитлеру люди, их идеи так и остались на периферии «восточной политики». В лучшем случае они выступали продолжением или составной частью двух следующих позиций, борьба между которыми и являлась определяющим моментом в сотрудничестве германского руководства с советскими гражданами. Несколько слов о них было уже сказано выше. Здесь мы остановимся более подробно на характеристике этих позиций.

Носителями еще одной точки зрения был ряд офицеров вермахта среднего звена и немецкие политики и дипломаты «старой школы», которые считали, что «восточные» народы надо использовать самым активным образом, привлекая их как к военной, так и политической борьбе против большевизма. Они также считали, что с гражданами оккупированных советских территорий надо обходиться по-человечески, но дать им какую-нибудь реальную перспективу надо уже сейчас. Следует сказать, что многие из этих офицеров оказались замешанными в неудавшемся заговоре против Гитлера (июль 1944 года). Одним из проектов этой группы было так называемое власовское движение и Русская освободительная армия (РОА), в которых они видели не только инструменты в войне против СССР, но и будущих союзников ненацистской Германии⁵⁴.

⁵⁴ Steenberg S. General Wlassow: der Führer der russischen Befreiungsarmee

Главным отличием этой группы от двух предыдущих было то, что особое внимание они уделяли национальному вопросу в «восточной политике». Так, один из ее лидеров граф К. фон Штауффенберг считал, что прежде всего надо завоевывать симпатии русского народа. Другие же народы СССР он считал полностью подчиненными русскому, а их национальные движения – слабыми и незначительными. По его мнению, они вряд ли могли бы стать серьезными союзниками Германии, а *«все заигрывания с ними могли только помешать союзу с русским народом, который очень болезненно относится к территориальной целостности своего государства»*⁵⁵.

Во многом благодаря усилиям этой группы, которая пользовалась определенной поддержкой в Верховном командовании вермахта (ОКВ), 6 июня 1941 года был составлен документ «Указания по применению пропаганды по варианту «Барбаросса». Интересно, что в этом, сугубо специальном документе наряду с тем, что *«противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство»*, было подчеркнуто, что *«пока не следует вести пропаганду, направленную на расчленение СССР на отдельные государства»*⁵⁶.

Главный теоретик нацизма и эксперт по внешнеполити-

Verräter oder Patriot. Rastatt, 1986. S. 71–75.

⁵⁵ Dallin A. Op. cit. P. 502–503.

⁵⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. М., 1958. Т. 2. С. 573, 574.

ческим вопросам рейхсляйтер А. Розенберг считал по-другому. Как и все предыдущие, он имел свою точку зрения на «восточную политику». В принципе она не отличалась от мнения Гитлера, который был уверен, что восточные территории являются жизненным пространством германской нации. Поэтому перед ней стоит только три задачи: захватить, управлять и эксплуатировать их. Розенберг соглашался с этой генеральной линией, но считал, что достигнуть этой цели можно только при условии тесного сотрудничества с населением. В его взглядах причудливо переплетались тезисы предыдущих групп. Он также считал, что с местным населением надо обращаться «по-джентльменски», много ему обещать и привлекать его к активной политической и вооруженной борьбе. Однако главное отличие его точки зрения заключалось в том, что все эти блага должны были распространяться только на нерусские народы СССР (особенно на украинцев). То есть, в отличие от оппозиционно настроенных офицеров вермахта, он считал, что опираться надо именно на национальные движения, которые традиционно не любят русских и коммунистическую власть как продолжение русского империализма. В теории все выглядело довольно привлекательно, так как выполнялась главная цель «восточной политики» – уничтожить СССР путем использования внутренних противоречий⁵⁷. Однако главным недостатком Розенберга было то, что он не имел серьезного по-

⁵⁷ *Illytzyk* R. Op. cit. S. 3—14.

литического веса в глазах лидеров нацистской партии. Более того, его зачастую не слушали даже его подчиненные. И сторонников проведения своей точки зрения Розенберг имел значительно меньше, чем антигитлеровские оппозиционеры. Тем не менее его теории вполне успешно конкурировали с идеями фон Штауффенберга, поскольку даже среди противников Розенберга было достаточно русофобов⁵⁸.

После краха надежд на молниеносную войну ситуация изменилась коренным образом. Лидеры всех указанных группировок пришли к выводу, что необходимо предпринять какие-нибудь шаги для выработки общей концепции, хотя бы временной. 18 декабря 1942 года, накануне сталинградской катастрофы, в Берлине состоялась конференция представителей нацистского военно-политического руководства, отвечавших за проведение «восточной политики». Основной темой конференции был вопрос о возможности более широкого привлечения советского населения к сотрудничеству с немцами. Целым рядом мер предполагалось обеспечить вермахт пополнением, увеличить отряды по борьбе с партизанами и решить вопрос с недостатком рабочей силы в самой Германии⁵⁹. *«Вывод, сделанный на конференции, – пишет английский историк А. Буллок, – был выражен двумя предло-*

⁵⁸ Alexiev A. Op. cit. P. 6.

⁵⁹ Madajczyk Cz. Faszizm i okupacje 1938–1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europie: U 2 t. Poznań, 1983–1984. T. 2. S. 34–40; Mulligan T. The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943. New York, 1988. P. 47–56.

жениями: сложность создавшегося положения делает настоящим позитивное сотрудничество населения. Россия может быть сокрушена только русскими»⁶⁰. В данном случае под русскими подразумевались все народы Советского Союза.

Исходя из этих установок, нацисты были вынуждены провести некоторые «реформы» в своей оккупационной политике на территории СССР. В целом они были сведены к следующим моментам:

- населению оккупированных территорий давалась какая-нибудь «политическая цель» (иногда вплоть до обещания независимости) и делались определенные уступки в обращении с ним. Обычно эта цель заключалась в разрешении на ограниченное участие в решении управленческих и административных вопросов;
- политическим лидерам того или иного национально-го движения, которые считали себя союзниками Германии, обещалось создание собственных вооруженных сил. Сначала эти силы должны были находиться под немецким контролем, а затем перейти под национальное командование;
- в качестве стимула при создании подобных вооруженных сил всем, кто соглашался вступить в них, обещались всевозможные льготы и привилегии экономического характера: начиная от денежного вознаграждения и заканчивая наделе-

⁶⁰ Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск, 1998. Т. 2. С. 368.

нием земельными участками семей добровольцев⁶¹.

Эти изменения начали активно внедряться с весны 1943 года. Правда, не все руководители немецкой оккупационной администрации восприняли их однозначно. Например, в Прибалтике и Белоруссии такая политика принесла определенные плоды. На Украине же ее полностью заблокировал рейхскомиссар Э. Кох⁶².

Второй этап продолжался до лета 1944 года. Его основной рубеж – полное освобождение территории СССР от немецких оккупантов. Примерно с осени этого года начался новый этап во взаимоотношениях немецкого военно-политического руководства и коллаборационистов. Среди его характерных особенностей можно назвать следующие моменты. Во-первых, эти отношения приобрели еще более политический характер. То есть теперь, чтобы получить любых союзников, немцы были готовы признать лидеров национальных движений единственными и законными представителями их народов. Например, в марте 1945 года таковыми были признаны грузинское и крымско-татарское национальные движения⁶³.

⁶¹ Archiwum Akt Nowych (далее – AAN), Mikrofilmy aleksandrijskie. T-78. Fremde Heere Ost, roll 556, frames 536–552.

⁶² *Reitlinger G.* Ein Haus auf Sand gebaut: Hitlers Gewaltpolitik in Russland, 1941–1944. Hamburg, 1962. S. 232–257.

⁶³ *Романько О.В.* Крымско-татарская эмиграция в годы Второй мировой войны и ее сотрудничество с военно-политическим руководством Третьего рейха // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукраїнської наукової конференції. К., 2007. С. 109; Privatarchiv des Joachim Hoffmann (далее

Во-вторых, чтобы придать этим движениям больше политического веса, немцы пошли на создание национальных армий из разрозненных коллаборационистских формирований соответствующей национальности. В результате были «созданы» Туркестанская национальная армия, Кавказская освободительная армия и Украинская национальная армия. Слово «созданы» здесь намеренно взято в кавычки, так как все эти «армии» остались только на бумаге. Единственным исключением является Украинская национальная армия, которая за несколько дней до капитуляции Германии была передана под руководство Украинского национального комитета⁶⁴.

Наконец, в-третьих, если на предыдущих этапах конфликт между точками зрения на «восточную политику» не носил такой острый характер, то теперь он достиг своей кульминации. Представители «прорусской» концепции при активной поддержке рейхсфюрера СС Гиммлера предприняли попытку объединить все коллаборационистские организации под эгидой власовского движения, создав Комитет освобождения народов России (КОНР). А все коллаборационистские формирования должны были стать основой вооруженных сил этого комитета. Этой попытке категорически воспротивился Розенберг. А сотрудничавшие с ним лидеры на-

– РАИ), Reichsminister Rosenberg an Georgischen Verbindungsstab. 17.3.1945 // Intelligence Division. DRS (51)42. P. 1.

⁶⁴ Гунчак Т. У мундирах ворога // Військо України. 1993. № 9. С. 82–88; Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004. С. 79.

циональных движений попросту отказались вести переговоры с генералом Власовым, на том основании, что создание его комитета является очередным проявлением русского империализма⁶⁵.

На протяжении всей своей истории коллаборационистские формирования действовали в определенной среде и в определенных условиях, подвергаясь влиянию целого ряда факторов. В данном случае наиболее значительным следует признать влияние, которое исходило со стороны:

- немецких военно-политических органов разного уровня;
- коллаборационистских организаций той же национальной группы, представителями которой был укомплектован личный состав формирования;
- коллаборационистских организаций и добровольческих формирований представителей других национальных движений;
- партизанского и подпольного движения, которое действовало на данной территории;
- местного населения, проживавшего на данной территории.

Все эти факторы можно условно назвать внутренними. К внешним факторам следует отнести военную обстановку на том или ином участке Восточного фронта или на этом фрон-

⁶⁵ Frölich S. General Wlassow. Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1987. S. 202–206.

те в целом⁶⁶.

Что касается понятия «коллаборационистские формирования», то, на взгляд, наиболее точным является следующее определение. Это: формирования из иностранных граждан и военнослужащих, объединенных в рамках вермахта, войск СС и сил по охране правопорядка, либо в виде отдельных частей или подразделений, либо включенных туда в индивидуальном порядке.

Коллаборационистские формирования из числа советских граждан, несмотря на определенную уникальность, не были, как таковые, отдельной категорией германских вооруженных сил. Однако такая характеристика является несколько абстрактной и нуждается в дальнейшем разъяснении.

В нормативных документах германского военного командования и полицейского руководства по использованию «местных вспомогательных сил на Востоке» все контингенты добровольцев из числа советских граждан строго различались. В целом выделялись следующие категории:

1. Формирования разведывательно-диверсионного назначения, созданные немецкими специальными службами.
2. Вспомогательные и специальные формирования:
 - «добровольные помощники», или «хиви» (*Hilfswillige / Hiwi*);
 - формирования специального характера (строительные, инженерные, транспортные, хозяйственные и т. п.);

⁶⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg... Bd. 9. Halbbd. 2. S. 906–976.

- части и подразделения в составе германских вспомогательных формирований (Организация Тодта и т. п.).
- 3. Формирования полицейского характера:
 - формирования по поддержанию общественного порядка, созданные под эгидой военной оккупационной администрации;
 - формирования по поддержанию общественного порядка, созданные под эгидой полиции порядка или полиции безопасности;
 - формирования в составе частей порядка вермахта (тайная полевая полиция, полевая жандармерия и т. п.).
- 4. Линейные (фронтовые) формирования:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.